

АСКЕР ЗЕЙНАЛОВ

ИСТИННЫЙ ТЮРК

1940-е годы... Ереванский государственный университет... Умудренный опытом, осуществивший сопоставительный анализ армянского с 562 языками мира академик Рачия Ачарян был в раздумьях. Вот уже в течение 35-40 лет безуспешно искал он ответ на один вопрос. Он делился своими размышлениями с коллегами – литературоведом Абегианом, языковедом Капансяном, историком Мананёдяном, а также со своими студентами, но к определенному выводу прийти не мог. Чем же был так озабочен академик Ачарян?

Армянский язык, соответствующий по своей структуре окружающим и оккупировавшим его языкам – латинскому, греческому, французскому, арабскому, ассирийскому и даже курдскому, вдруг отдалившись от них, начал походить по своему строю на языки тюркско-татарские. Случайно ли такое сходство? Нет ли объективных причин у структурных мутаций в армянском языке? Обнаружив серьезные изменения в языке уже у историка VII столетия Ованеса Мамиконяна и поэта XI века Нарегаци, Ачарян удивился. В чем же состояли эти изменения? Например, формула в тюркских языках: Мэп şəhərə gedirəm – Я в город иду. В древне-армянском, как и во французском, нормативный порядок следования слов был другим: Я иду в город. То есть если в тюркских языках последовательность следования членов предложения: подлежащее + второстепенный член предложения + сказуемое, то в древне-армянском и французском эта последовательность была: подлежащее + сказуемое + второстепенный член предложения. Над этой проблемой Ачарян ломал голову еще 10-12 лет, но успеха опять же не имел. Ибо один ошибочный постулат, засевший у него в сознании, упорно ему мешал: ведь тюрки, по его мнению, пришли на Кавказ впервые в 1021 году. Он и мысли не допускал, что проблему эту через 20-25 лет разрешит единственный тюрк в той группе, где он преподавал. И был это будущий блестящий ученый Мирали Сеидов.

Мирали Миралекпер оглу Сеидов родился 18 октября 1918 года в Эривани. Начальное образование получил там же. С детских лет воочию видел он таких выдающихся деятелей, как Мирза Гусейн Ага, Аббас Ага Фараджев и др. Особенно же повлияло на выбор будущего пути его общение с выдающимся востоковедом и поэтом Мирзой Гусейном Агой.

В 1938 году И.Сеидов закончил гидромелиорационный техникум и в том же году поступил на азербайджанское отделение Ереванского педагогического института. Но и это не могло удовлетворить сильнейшую внутреннюю потребность Мирали в знаниях.

В 1941 году он поступил на персидское отделение факультета востоковедения Ереванского государственного университета. Когда он учился на третьем курсе, был поставлен вопрос о его отчислении из университета, так как руководство вуза прознало, что днем он учится в институте, посещая вечером университетские занятия. Лишь благодаря счастливой случайности юноше удалось продолжить образование и в 1945 году закончить университет. Позднее Мирали-муаллим неоднократно отмечал, что Ереванский университет в те годы был одним из сильнейших в Советском Союзе.

До 1947 года М.Сеидов последовательно исполнял должности литературного сотрудника, заведующего отделом и, наконец, заместителя ответственного секретаря в газете «Совет Эрменистаны». Первые его статьи и очерки были напечатаны именно в этом издании.

С 1947-го по 1953-й годы он работал заведующим отделом азербайджанской лите-

ратуры средних веков в Музее литературы им. Низами Аз.ССР. И тогда же, в 53-м, защитил кандидатскую диссертацию на тему «Жизнь и творчество Саята Новы», через год выпустив книгу «Саят Нова».

Впоследствии М.Сеидов служил в отделах средних веков и литературных связей Института языка и литературы им. Низами. Долгие годы (с 1967-го по 1980-й) он возглавлял здесь отдел литературных связей, а в конце 50-х занимался исследованием творчества азербайджанского поэта XVII века Ковеи Тебризи.

В 1963 году была издана его книга «Ковеи Тебризи». Как отмечают исследователи, второго столь же основательного исследования творчества этого великого поэта не имеется по сей день.

Еще один аспект творчества ученого – его работы в области литературных связей, а точнее – конкретно по связям азербайджанско-армянским.

М.Сеидов был первым азербайджанским ученым, обратившимся непосредственно к источникам на армянском языке. В отличие от многих других исследователей, занимаясь литературными связями, он не замыкался сугубо на апологетике «дружбы народов». Он обоснованно доказывал, что произведения таких поэтов, как Низами, Хагани, Насими, Физули, Хатаи, Вагиф и др., были широко распространены в армянской среде. Армяне иногда переводили стихи этих поэтов, но по большей части читали их или же исполняли переложенными в песни. Опираясь на армянские источники, М.Сеидов отмечал, что азербайджанские дастаны «Ашыг Гариб», «Шах Сенем», «Шах Исмаил и Гюльгез», «Асли и Керем» и др., ещё в X-XIV веках имели широкое хождение среди армян. Но эта обоснованная позиция Мирали Сеидова неизменно вызывала у армянских ученых резкое неприятие.

Однажды я побывал в Институте литературы им. Абеяна АН Армянской ССР, где мне привелось увидеться с ученым-фольклористом Ш.Григоряном. Он спросил, кто будет моим научным руководителем. Я назвал имена Мирали Сеидова и Теймура Ахмедова. На что мне было сказано: разве такое возможно? Когда же разговор у нас перешел на дастаны, он сказал, что суждения М.Сеидова со ссылкой на Э.Торосяна глубоко ошибочны. Говоря все это, он был вне себя – хватался за сердце, нервно расхаживал по комнате и беспрестанно глотал какие-то таблетки.

Действительно, М.Сеидов ссылался на статью Э.Торосяна «Светская литература X-XIV веков в Армении». Только вот Ш.Григорян не хотел принять как истину высказанное Э.Торосяном суждение. В самом деле, как можно отрицать то, что начиная с XIII века многие армянские авторы писали и сочиняли именно на азербайджанском языке?! С XVI века эта тенденция стала еще более выраженной. Даже и в XX веке некоторые армянские писатели все ещё создавали свои произведения на азербайджанском. То же самое относится и к высказываниям армянских писателей и литературоведов об азербайджанском языке и нашем национальном устном фольклоре.

Говоря же о творчестве М.Сеидова в области литературных связей, следует особо остановиться на одном из его аспектов – наших несравненных баяты. Еще с глубокой древности армяне как в радости, так и в горе широко использовали азербайджанские стихи-четверостишия – *баяты-мани*. И не случайно армянский поэт XVI века Нахапет Гучак создавал стихи на азербайджанском языке, и в том числе мани. Примечательно, что часть их написана в форме *джинас*, т.е. с применением омонимических рифм. В свою очередь Эльяс Мушег в 1721 году записал более 100 азербайджанских баяты. Эти баяты впервые представил широкой общественности именно М.Сеидов, напечатав их в 1959 году в газете «Адабийят ве инджесенет». Таким образом данные баяты после пребывания более двух веков в архивах были наконец введены в научный оборот. М.Сеидов опубликовал о них объемную статью в «Известиях» Академии наук Азербайджана. В этой работе он впервые дал текстологический анализ упомянутых баяты, отметив, что их авторами являются поэты, чьи имена указаны в текстах четверостиший. Он пишет: «Баяты с именами Баба, Леле в зачи-

нах являются произведениями поэтов, носивших это имя или псевдоним». Хотя на первых порах это суждение и подвергалось сомнениям, последующие исследования подтвердили правильность мнения ученого. После продолжительных научных изысканий М.Сеидов, опираясь на древние источники, научно доказал, что на Кавказе еще в VI веке до н.э. жили тюркоязычные племена *гашгаи*, в V веке до н.э. – *саги*, в IV до н.э. – *бунтюрки*, а во II веке до н.э. – *булгары*, *баси*, *гунлантюрки*, *савиры* и *гунны*. Эти племена, отмечал ученый, обладали весьма высокой культурой и оказали сильное влияние на культуры соседних народов (например, это можно видеть, проведя сравнительный анализ боя «Об удалом Домруле» из дастана «Деде Горгуд» с армяноязычным «Аслан ага»). И то, что в V-VII веках грамматика армянского языка подверглась изменениям и приняла грамматический строй тюркского языка (подлежащее + второстепенный член предложения + сказуемое), объясняется именно тем, что в глубокой древности тюрки составляли на Кавказе большинство и обладали доминантной в регионе культурой. Тюркский же язык отличался музыкальностью и поэтичностью.

Отметим ещё раз тот ошибочный тезис, что, будто бы, тюрки впервые пришли на Кавказ в XI веке – в 1021 году. Именно он не позволил Р.Ачаряну доискаться объективной исторической истины. Между тем это стало открытием М.Сеидова, которое, говоря словами народного поэта Р.Рзы, «было большой заслугой его перед своим народом». В «Кавказском календаре» за 1886-й и 1900-й годы читаем: «В 513 году гунны и савиры напали на Кавказ, а затем на Дарьял-кенд (1889)». Отмечалось, что в 204-м году хазары, пройдя Иверию, затем напали на Кавказ, в 227 году гунны пришли в Иран, а в 454-455 годах хазары разгромили Йазкерта Второго. Видимо, Р.Ачарян и подобные ему армянские ученые не только не знали историю, но и не ведали про эти источники или же попросту не желали признать, что хазары, гунны, савиры и пр. были исконно тюркскими племенами.

Одна из затронутых М.Сеидовым проблем – вопрос об Арсаге. Он указывает, что арсаги – тюркские племена, проживавшие на огромном ареале от Кавказа до Средней Азии. И то, что армяне Верхний Гарабах называют Арсагом и на этом основании считают его исконно своей землей, никакого научного обоснования не имеет.

Как-то раз я зашел к Мирали-муаллиму. Он сказал, что у него имеется хорошая новость, и принес книгу Бартольда. Великий русский ученый в своей книге среди тюркоязычных племен Сибири назвал также племя «*ар-саглы*». Как известно, суффиксы «*лы*», «*ли*» – исконно тюркские. М.Сеидов, показав мне это место из книги, сказал, что на это уж армяне теперь ничего возразить не смогут. По мнению Бартольда, названное племя, как и другие тюркские объединения, локализовывалось в том числе и в Сибири. Проанализировав этноним, М.Сеидов пришел к заключению, что «*Ар+саг*» означает «*сагский муж*» или же «*саг-богатырь*». Говоря же о культуре тюркских народов, ученый-тюрколог отмечает, что саги и албанцы, жившие за 500 лет до н.э., имели собственную письменность. Он был твердо убежден, что по системе письменности древних тюрков как минимум дважды наносились серьезные удары: первый раз – с принятием части их христианства, второй – с их переходом в ислам. Были утрачены многие бесценные их культурные традиции и памятники письменности, созданные ценой титанических усилий в продолжение многих веков.

Искажать историю, трактовать ее исключительно в свою пользу – в крови у армян. Например, даже при поверхностном знакомстве с книгой Мусы Гагангатлы «История албанской страны» заметны следы «армянских рук». В разоблачении множества армянских инсинуаций великим заслугой М.Сеидова, прекрасно владевшего и грабаром (староармянским), и ашхарабаром (светским, современным армянским языком). Например, А.Улубабян «не понравившиеся» ему места из историка V века М.Хоренаци обозначал отточиями, весьма вольно обходясь с оригиналом, что и было подмечено М.Сеидовым именно благодаря его знанию армянского языка. Произвольно делая купюры в тексте средневекового историка, указанный армянский националист пытался, что называется, отодвинуть свой забор

на территорию соседа. Даже высказывание Мусы Гагантаглы о том, что граница области «была до реки Ерасх (**Араз – М.С.**)», выводило из себя Улубаяна, который утверждал, что ссылки на это место «научно некорректны».

Присвоение себе великих исторических деятелей других народов – давняя «болезнь» армян. Так, они всегда упрямо считали Девдека армянским поэтом, а известное стихотворение «Касыда на смерть Джаваншира» в книге «Древние произведения» (издана в Ереване в 70-х годах) также выдается ими за армянское.

В свое время видный отечественный литературовед Микаил Рафили, а несколько позже и профессор Ворошил Гукасян в статье «Первый азербайджанский поэт Девдек» высказали на сей счет свое авторитетное мнение. А М.Сеидов, обратившись к этимологии имени поэта, показал, что «*девдек*» – исконно тюркское слово, означающее «горец» или «гороподобный». В связи с присвоением армянами себе многих исторических персонажей и их творений академик З.Бунятов писал: «Священнослужители григорианской церкви перед тем, как уничтожить литературные памятники Арана, переводили их на грабар. «История Агвана» Моисея Каганаватци и многие художественные произведения албанцев были подвергнуты такой операции». Армяне и албанского историка IX века Мусу Гагантаглы, как и албанского поэта Девдека, выдавали и выдают за своего. В отношении этимологии имени этого историка М.Сеидов также высказался однозначно, научно доказав, что «*Гагантаглы*» – тюркский термин, означающий «*страна сильного гагана (хана, кагана)*».

Большая часть творчества М.Сеидова связана с исследованием мифологии. Смело можно утверждать, что он заложил основы национальной азербайджанской мифологической школы. И сегодня все, кто занимается в республике этой областью знания, почитают его своим первоучителем. Многие же их работы увидели свет с прямого благословения этого учёного мужа.

Однажды случилось нам с Мирали-муаллимом вместе посетить издательство «Гянджлик». Когда речь там зашла о мифологии, покойный ученый-исследователь Расим Тагиев сказал: «Мирали-муаллим, мы создаем из того, что есть, а вы создаете из того, чего нет. Ваш труд бесценен!» Приблизительно через 7-8 лет ту же мысль, прощаясь с Мирали Сеидовым, высказал и член-корреспондент АН Азербайджана Керим Керимов. Начав свои исследования в области мифологии с напечатанной в 1954 году статьи «О слове “варсаг”» и создав впоследствии такие работы, как «Некоторые заметки о слове “угур”», «По следам оланги», «Мифологические корни мотивов дракона на наших коврах», «Этимологический анализ слов “гюнортадж” и “ортадж” в главах “Деде Горгуд», «Происхождение слова “Горгуд”», «Анализ слова “газаг”», «Некоторые заметки об “Аггоюнлу” и “Гарагоюнлу”», «Об этимологии некоторых слов в “Деде Горгуд”», «О прототипах образов Алы киши и Кёроглу» и др., более, чем за 40 лет ученый баснословно обогатил азербайджанскую мифологическую науку. И тут заслуги Мирали Сеидова перед азербайджанским литературоведением поистине огромны.

Впоследствии мысли, высказанные в этих статьях, легли в основу таких книг ученого, как «Истоки азербайджанского мифического мышления», «Судьба золотого воина» и «Размышляя над происхождением азербайджанского народа». Опираясь на созданный древними тюркскими племенами культурные сокровища, М.Сеидов указывает, что потомки огузов проживали на огромной территории от областей полуночных до полуденных. Известно, что лук и стрелы были излюбленным оружием тюрков. Мирали Сеидов указывает, что древние тюрки оружие это мифологизировали. Стрела символизировала лучи солнца, лук – небосвод. Стрела была символом независимости, лук – вассалитета. В некоторых тюркских племенах (*шоры, якуты, гызылы*) над изголовьями новорожденных устанавливали стрелы с луком. В отличие от родственных браков, бытовавших у многих народов, древние тюрки практиковали экзогамию. Возможно, они выработали такой обычай именно для того, чтобы иметь здоровое потомство.

Особо хочется остановиться на статье М.Сеидова «Тюркоязычные ли народы создали Хызыра?» Имеется в виду известная легенда о Хыдыре-Хызыре, который, выпив живой воды, стал бессмертным. Но только Мирали Сеидов первым сумел подметить, что Хызыр есть вовсе не арабский Хыдыр, но данный образ создали сугубо тюркоязычные народы. Для обоснования этой своей позиции он обращается ко многим источникам, в том числе к башкирскому сказанию «Урал Батыр». Главный герой сказания, Урал Батыр, хочет наделить людей живой водой. Преодолевая многие трудности, он находит её. Но один старец, испивший из её источника, отсоветовал герою наделять этой водой людей. Ибо старец мучается жизнью, по сотне раз на дню призывая к себе смерть. Однако на свете лишь добро пребывает вечным, и потому Урал Батыр, дунув на чудесную воду, распыскивает её повсюду, и там, куда она попадает, произрастают разные деревья. Значит, высшей точкой, пиком человеческой жизни, является смерть. Да к тому же после каждой смены поколений люди отдаляются друг от друга. Проведя сравнительный анализ, М.Сеидов показывает, что мифических качеств Хызыра, связанных с огнем, весной, силой, у арабского Хыдыра нет, и, таким образом, тюркский Хызыр радикально отличается от арабского Хыдыра.

При создании работ по мифологии М.Сеидов, помимо трудов многих ученых, в значительной мере опирался на дастаны, легенды, сказки и эстетику дошедших до наших дней монументальных исторических памятников – крепостей, скульптур и пр. – тюркских народов. Особенно же часто обращался он к таким книгам, как «Словарь тюркских наречий» Махмуда Кашгари, «Благодатное знание» Юсуфа Баласагуни, «Китаби Деде Горгуд», «Урал Батыр», «Манас», «Кёроглу», ногайский эпос «Чора Батыр» и др., которыми по праву гордятся тюркские народы.

В творчестве Мирали Сеидова рассматривается культурное наследие всего тюркского мира – казахов, туркмен, киргизов, башкир, якутов, хакасов, ногайцев и др., а также тюркских племен древности. А потому не удивительно, что ещё 30-35 назад на Мирали Сеидова было наложено «клеймо» пантюркиста и его всячески гнобили.

При знакомстве с книгами видного мифолога одна их особенность сразу привлекает внимание, а именно: во всех случаях, когда называется какой-то конкретный факт или тезис, автор неизменно указывает свой первоисточник. Начиная с тех времен, когда любое высказывание или мнение требовали соблюдения крайней осторожности, и до самого конца его жизни Мирали Сеидов широко употреблял в своих текстах исконно тюркские слова. Возможно, те, кто говорит о «тяжеловесности» языка ученого, имеют в виду именно эту особенность его лексики.

1982 год... В Стамбуле проходит 4-й тюркологический конгресс. На этом солидном форуме Азербайджан представляли двое ученых – профессор Зарифа Будагова и Мирали Сеидов. Последний выступил с докладом «Театральные элементы в азербайджанских обрядах (на материале обряда Йух)». Когда он закончил, публика стала задавать докладчику вопросы, словно бы изжаждавшие общения со столь выдающимся учёным. Приняв во внимание пространность одного из таковых, Сеидов попросил председательствующего предоставить ему дополнительное время. Как раз в этот момент к трибуне подошел всемирно известный тюркский ученый Мехмет Каплан, который, взяв азербайджанского коллегу за обе руки, его расцеловал и, обратившись к присутствующим, произнёс: «Это тот самый Мирали-муаллим, который в номере журнала «Улдуз» за прошлый год еще раз доказал, что тюркские народы – один из древнейших этносов мира!»

Имелась в виду статья «Судьба золотого воина». Напомним, что в той статье Мирали Сеидов впервые научно подтвердил, что сагские племена, об этнической принадлежности которых шли споры, именно тюркского корня.

1988 год... События 17 ноября – 5 декабря... Претендующие на Верхний Гарабах армяне вырубали лес Топханы. Народ Азербайджана поднялся, площадь Азадлыг бурлила, подобно штормовому Каспию. Дул сильный ветер. Мирали Сеидов, волосы у которого

ниспадали ему на лицо, держал в руках карту мнимой «Великой Армении» (ее мы за несколько лет до того привезли ему из Еревана) и говорил о коварных замыслах дашнаков. В те дни он несколько раз выступил на площади.

Сеидов был ученым-патриотом и отважным человеком.

И тут к месту придутся слова профессора Багира Багирова, сказанные им на церемонии прощания с умершим коллегой. «Было время, – сказал он, – когда многие боялись здороваться с профессором Джафаром Джафаровым, народным поэтом Расулом Рзой, а Мирали-муаллим ходил с ними под руку. Когда один из тогдашних секретарей ЦК спросил, на каком языке говорил Бабек, так называемые академики промолчали, и лишь Мирали-муаллим тотчас с места ответил, что Бабек говорил на тюркском языке».

...В 1984 году в малом зале Академии наук шла защита докторской диссертации. Отвечая на один из вопросов, докторант сказал, что в стихотворении «Фахрия» (Восхваление) Сабир показывает бесчестие народа. Тогда слово взял Мирали Сеидов. Он объявил: «Я не хотел выступать. Одно высказывание меня к этому понудило: «бесчестие народа». Дорогой мой, народ не может быть бесчестным. Если народ – бесчестен, то что сам ты здесь делаешь?! В своей «Фахрийе» Сабир критикует ошибки тюркских правителей – например, ослаблявшие тюркский мир войны между Тохтамышем и Тимуром, аггоюнлинцами и гарагоюнлинцами, шахом Исмаилом и султаном Селимом».

Все тогда согласились с Мирали-муаллимом.

М.Сеидов был одним из самых авторитетных и ярких ученых тюркского мира. Его произведения издавались в Турции и США. Он читал лекции в Ташкентском и Самаркандском университетах, был научным руководителем многих аспирантов и диссертантов, в том числе И.Аббасова, А.К.Аскерова, О.Алиева, А.Ф.Аскерова и др. наших авторитетных научных деятелей.

А ещё Мирали Сеидов был страстным футбольным болельщиком. И это далеко не случайно, что при открытии ли очередного футбольного сезона или же подготовке телепередач про известных футболистов – к примеру, о Банишевском – брали интервью именно у него. Приблизительно за 20 дней до его кончины Сеидова избрали почетным членом Национальной творческой академии. Узнав о том через два дня, я специально отправился его поздравить. Это звание стало последним из полученных заслуженным деятелем науки, доктором филологических наук, профессором Мирали Сеидовым. Его неоднократно выдвигали в члены-корреспонденты АН Азербайджана, но – почему-то – так и не приняли. А много ли было в те годы в Азербайджане ученых такого уровня?!

Мирали Сеидов был ученым универсальных познаний. Он был и мифологом, и фольклористом, и историком...

Который уже год, как М.Сеидова нет с нами. Но на каждом проходящем в республике историческом и литературоведческом форуме он незримо присутствует. Его имя носит одна из бакинских улиц, о делах его напоминает памятная доска, установленная на стене дома, в котором он жил, но главное, что осталось после него, – бесценные, бесценные научные труды – достояние всего тюркского мира.